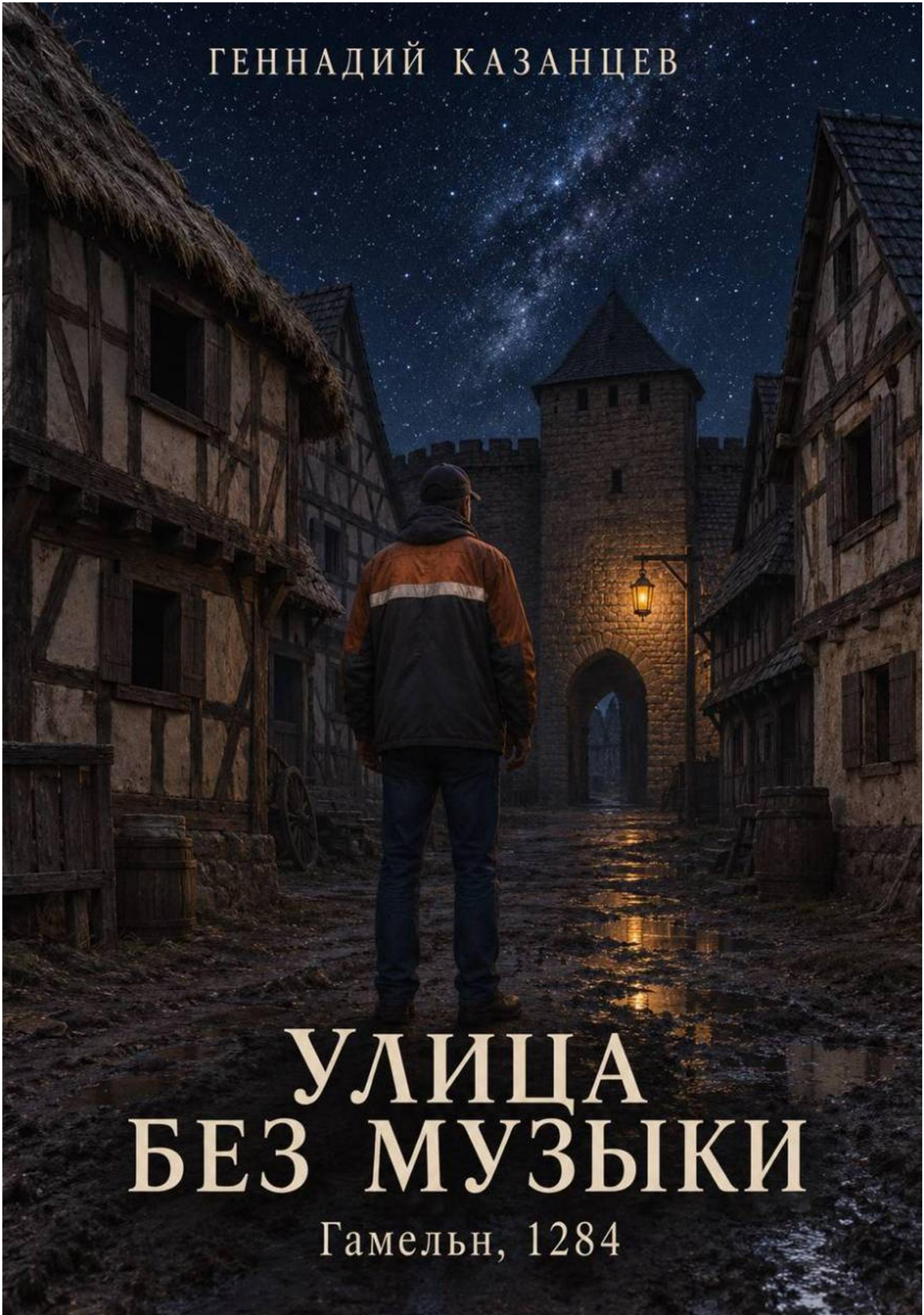

ГЕННАДИЙ КАЗАНЦЕВ
УЛИЦА БЕЗ МУЗЫКИ
Гамельн, 1284

Геннадий Казанцев

Улица без музыки

«Автор»
2026

Казанцев Г.

Улица без музыки / Г. Казанцев — «Автор», 2026

Яков Шестаков, фермер из алтайской степи, приезжает в Гамельн на юбилей тётки. В День дудочника, после тяжёлого разговора с сыном, он сворачивает на улицу, где по старому обычаю не играет музыка, — и выходит в 1283 год. Чужой язык, ни денег, ни родни, ни поручителя, а без поручителя чужака выставляют за ворота. До дня, когда из города уйдут сто тридцать детей, остаётся год. Яков знает сказку о крысолове. Что было на самом деле, ему предстоит увидеть самому.

© Казанцев Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧУЖОЙ. 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Геннадий Казанцев
Улица без музыки

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧУЖОЙ.
Глава 1. День дудочника

Крысы в Гамельне были везде. Бронзовые, с ладонь величиной, сидели в мостовой и носами показывали туристу дорогу к музею. Красные, нарисованные, бежали по витринам аптек и пивных. В булочной на углу их пекли из сдобы, с изюминами вместо глаз, и Петер купил Якову одну, ещё тёплую.

— Ешь, — сказал он. — Тут без крысы нельзя. Всё равно что в Кулунде без пельменей.

Яков откусил голову. Тесто было сладкое и мягкое, крысиным в нём был только хвост, загнутый крючком.

Жара стояла с утра. Небо над черепичными крышами было белёсое, пустое, без единого облачка, и Яков по привычке прикинул, что под Кулундой сейчас так же печёт и что пшеница у него на дальнем поле, если до воскресенья не пройдёт дождь, начнёт скручивать лист. Он прикидывал это каждый день, с тех пор как прилетел, и каждый раз одёргивал себя: Ирина пишет, что всё в порядке, а с поля отсюда всё равно ничего не сделаешь.

На площади перед Свадебным домом с трёх часов толпился народ. Дом был высокий, из жёлтого песчаника, с тремя островерхими щипцами и узорными окнами. Петер объяснил, что строили его четыреста лет назад, чтобы горожанам было где гулять свадьбы, отсюда и название. Сейчас у его стены соорудили помост, натянули гирлянды и расставили лавки. Дети с нарисованными кошачьими усами, немцы в шортах и сандалиях поверх носков, японцы с телефонами на палках. Двадцать шестое июня, пятница, Пфайфертаг — День дудочника. В этот самый день, как написано на одном здешнем доме, семьсот с лишним лет назад из города ушли дети. Спектакль, который город играет на этой площади каждое воскресенье с мая по сентябрь, в этом году справлял юбилей, и ради круглой даты его давали ещё и сегодня.

— Семьдесят лет, — сказал Петер. — Каждое воскресенье одно и то же.

— Тебе-то откуда знать?

— Я тридцать три года тут живу. Раз двести видел, не меньше.

— И не надоело?

Петер подумал, вытирая лоб.

— Надоело. Но я всегда досматриваю, как дети уходят. Сам не знаю зачем.

Петер был на три года старше, на голову ниже и вдвое шире Якова. В девяносто третьем, когда тётя Лиза с мужем, сыном и шестью чемоданами уезжала из Кулунды, Петеру было девятнадцать, и он ревел в вагоне, едва поезд отошёл от Кулунды, так, что проводница принесла ему воды. Теперь он водил погрузчик на складе под Гамельном, говорил по-русски с немецкими словами вперемешку и называл это «наш язык». Вчера тёте Лизе исполнилось семьдесят пять. Родня собралась со всей Германии, человек сорок, и половину вечера пели по-немецки песни, которых Яков не знал, а половину — по-русски, и тогда он знал все.

В половине четвёртого на стене Свадебного дома, под самой крышей, ударили колокола. Распахнулись дверцы, и по кругу поехали деревянные фигурки: Крысолов в пёстром, за ним крысы, за крысами дети. Фигурки поворачивались, кланялись толпе и уезжали обратно в стену. Люди захлопали. Яков смотрел не на Крысолова, а на круг, по которому тот ездил, и думал, что шестерни там наверняка латунные и что смазывают их раз в сезон, не чаще. На таком ветру с реки уже в августе заскрипят.

— Ты чего? — спросил Петер.

— Ничего. Механизм хороший.

— Ты как батя мой. Тот в Мюнхене на ратуше тоже на шестерни смотрел.

Отец Петера, дядя Абрам, муж тёти Лизы, был тракторист и меннонит, а ещё молчун, каких Яков больше не встречал. В Германии он выучил по-немецки ровно столько, чтобы его не путали с поляком, и умер в позапрошлом году на огороде, между грядками с укропом.

*

Спектакль начался в половине пятого.

На помост вышли горожане в длинных платьях, капюшонах и деревянных башмаках, бургомистр с цепью на животе и советники в чёрном. Петер переводил вполголоса, но переводить почти не требовалось: Яков знал эту сказку с детства, по старой книжке с картинками, которую бабушка Грета читала ему, когда он болел. Город мучают крысы. Приходит дудочник в пёстром и берётся избавить от них за деньги. Он играет, и крысы идут за ним к реке и тонут. Город платить не хочет. Дудочник уходит, а потом возвращается, когда взрослые в церкви, и играет снова, и теперь за ним идут дети.

Крыс играли малыши лет шести в серых костюмах с хвостами. Они выкатились на помост с писком, и толпа развеселилась. Дудочник был высокий, в штанах с одной красной штаниной и одной жёлтой, в пёстром колпаке, и играл на дудке по-настоящему, тонко и чисто. Крысы ползли за ним, падали в нарисованную реку, болтали ногами. Бургомистр жадничал. Советники разводили руками. Петер переводил шутки, и Яков смеялся вместе со всеми.

Под конец дудочник вернулся и заиграл другое — медленнее, ниже, — и на помост вышли дети постарше, нарядные, взявшись за руки. Толпа притихла. Дети пошли за ним через помост, вниз по ступенькам, через площадь, и толпа расступалась. Какая-то женщина в чепце бежала за ними и звала по имени, а дети не оборачивались.

Петер перестал переводить. Яков посмотрел на него: тот смотрел на детей.

А там все — дудочник, крысы, дети, горожане — пошли вокруг площади, и зрители двинулись следом. Спектакль на этом кончался, и начиналась экскурсия: дудочник вёл всех желающих по старому городу.

— Пойдём, — сказал Петер. — Я тебе переведу. Он хорошо рассказывает, он учитель истории.

*

Учитель истории в пёстрых штанах шёл по Остерштрассе, главной улице старого города, и говорил так быстро, что Петер успевал только самое главное.

Крыс не было, сказал дудочник. Крысы появились в этой истории через триста лет. А что было, так это вот что. В 1284 году, в день святых Иоанна и Павла, двадцать шестого июня, сто тридцать детей, рождённых в Гамельне, ушли за дудочником, одетым во все цвета, — и у Голгофы, у Коппен, пропали.

— Что такое Коппен? — спросил Яков.

— Холмы, — сказал Петер. — Где-то тут. Никто точно не знает какие.

Около 1300 года, говорил дудочник, в Рыночной церкви поставили цветное окно: дудочник и дети. Окно простояло больше трёхсот лет. В 1592 году через Гамельн проезжал рыцарь из Эльзаса, увидел окно и велел срисовать, и только поэтому мы знаем, как оно выглядело. А после окно пропало. Остались надписи на домах, запись в старой рукописи и улица, где не играют музыку.

Он остановился перед домом из песчаника, сплошь в резных розетках, с выступающим эркером.

— Дом Крысолова, — перевёл Петер. — Построили в тысяча шестьсот третьем. На балке сбоку надпись, вон там, с той улицы. Та самая: год, день, сто тридцать детей. А улица называется Бунгелозенштрассе. «Бунге» — барабан. Улица без барабанов. По ней дети шли к Восточ-

ным воротам. С тех пор здесь не играют и не танцуют. Даже свадьбы здесь замолкают: музыканты убирают инструменты и идут молча, пока не выйдут на другую улицу.

— И сейчас?

— И сейчас.

Дудочник поднял руку, и группа примолкла. Он говорил тише, почти без жестов. Петер наклонился к Якову.

— Он говорит, никто не знает, что случилось. Версий куча. Что была болезнь. Что утонули в Везере. Что их завалило в пещере. Что они плясали — тогда бывало, дети плясали, пока не падали, в Эрфурте целая толпа так дошла до другого города. Что ушли в крестовый поход. А больше всего верят, что их увели на восток. Тогда на востоке были пустые земли, и туда звали людей, давали землю и не брали налогов. Моравия, Померания, Пруссия. Говорят, там нашли гамельнские фамилии. И какой-то граф тут был, из Коппенбрюгге, — его будто бы через пару недель после того дня ни в одной бумаге больше нет. А кто-то пишет, что они утонули в море, когда плыли туда.

— А сам он что думает?

Петер спросил. Дудочник улыбнулся и ответил коротко.

— Говорит: дело не в крысах. Дело в детях. Город сто тридцать детей потерял, а через двести лет назвал улицу, чтобы не забыть. Вот и всё, что он думает.

Они пошли дальше. Петер некоторое время молчал.

— Ты понял? — сказал он наконец. — Ушли на восток за землёй. Как наши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.